

*В. Л. Гребнев**

ФИЛОСОФСКИЕ И БИБЛЕЙСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАРЕМИЙ КАК СОСТАВЛЯЮЩИХ ТРАДИЦИОННОГО ФОЛЬКЛОРА

В статье рассмотрены философские и библейские основания паремий как составляющих традиционного фольклора. Приводится характеристика традиционного фольклора как ядра традиционной культуры. В рамках традиционного фольклора рассмотрены паремии, понимаемые как гипероним терминов «пословица» и «поговорка». Являясь энциклопедией народной жизни, паремии, передаваемые из поколения в поколение, являются вербализованным опытом познания мира народом. Выявлены философские основания паремий, понимаемых как мудрость, незаписанная форма философствования.

Ключевые слова: традиции, культурные традиции, фольклор, традиционный фольклор, паремии, мудрость, философские основания паремий, библейские основания паремий.

V. L. Grebnev

PHILOSOPHICAL AND BIBLICAL FOUNDATIONS OF PAREMIAS AS COMPONENTS OF TRADITIONAL FOLKLORE

The article examines the philosophical and biblical foundations of paremias as components of traditional folklore. The characteristic of traditional folklore as the core of traditional culture is given. Within the framework of traditional folklore, paroemias are considered, understood as a hyperonym of the terms «proverb» and «saying». Being an encyclopedia of people's life, paremias, passed down from generation to generation, are a verbalized experience of people's knowledge of the world. The philosophical foundations of the paremias, understood as wisdom, an unwritten form of philosophizing, are clarified.

Keywords: traditions, cultural traditions, folklore, traditional folklore, paremias, wisdom, philosophical foundations of paremias, the biblical foundations of paremias.

* Гребнев Владимир Леонидович, дьякон, аспирант Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского; grebnev.vl@mail.ru

Задача изучения и сохранения традиционного фольклора как нематериального культурного наследия в последние десятилетия стала остро актуальной. Глобализация, стирающая уникальность традиционных культур, насаждая унификацию, в том числе культурную, навязывает народам мира единую, так называемую западную модель рациональности, что негативно сказывается на традиционной рациональности. Культурные традиции, в частности традиционный фольклор, в составе которого особое место занимают паремии, являются важным фактором, объединяющим народы. Исследование философских и библейских оснований паремий подтверждает это. Поскольку исследование паремий происходит традиционно в рамках филологии, культурологии, то рассмотрение их философских и библейских оснований представляется важным и новым направлением в науке.

Традиции являются особым механизмом воспроизводства социальных институтов и норм. Термин «традиция» определяют как

механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконяется самим фактом их существования в прошлом; термин «традиция» нередко распространяется также на сами социальные установления и нормы, которые воспроизводятся подобным образом [7, с. 253].

Культурная традиция является особым механизмом сохранения наиболее ценного для общества культурного опыта. Традиции тесно связаны с новациями.

Трансляция традиций чаще всего происходит через культурные тексты, в том числе — произведения традиционного фольклора. По верному мнению О. А. Абрамовой, фольклор как часть традиционной народной культуры представляет собой «социальную систему организованных при помощи норм и ценностей, закрепившихся в общественной практике и сознании, общественных форм деятельности» [1, с. 11]. Основу фольклора составляет традиционный фольклор, определяемый В. Я. Проппом как «специфическая область художественной деятельности народа» [10, с. 9]. Традиционный фольклор поражает разнообразием и богатством выразительных средств, а его устойчивый характер позволяет сохранять свои исконные, древние корни, которые заключают в себе истоки нравственности.

Традиционный фольклор выполняет ряд функций: познавательные, ритуальные, этические, эстетические, нормативные, информативные, регулятивные, коммуникативные, воспитательные, организующие, интегративные, инклюзивные, канонизирующие, функцию социальной памяти и др. Он предлагают философу, политику, традиционному художнику, оратору, священнику подлинный канал для проецирования и достижения различных социально желаемых целей.

В практике традиционного фольклора часто применяют малые нелитературные жанры, в том числе паремии. Чаще всего под паремией понимают только пословицы и поговорки, а сам термин «паремия» считают гиперонимом терминов «пословица» и «поговорка». Именно пословицу именуют паремией: греческое слово *παροιμία* означает «притча, пословица». Однако термин «паре-

мия» трактуют и расширительно, включая в него присловья или выражения, используемые для украшения речи и создания комического эффекта, загадки, афоризмы и приметы.

Очевидны философские основания паремий. Паремии составляют часть традиционной творческой практической мудрости, Аристотель называл это фронеzisом общества. Фронеzis (греч. φρόνησις) — это философский термин, введенный Аристотелем в «Никомаховой этике» и определяемый как «суждения, способствующие действию по поводу вещей, хороших или плохих для человека, [о том,] какие [вещи являются благами] для хорошей жизни» [3]. Фронеzis имеет дело с мудростью, которая широко распространена в жанре «текстов мудрости».

Также очевидна связь паремий с библейскими текстами. Значительная часть библейских изречений в процессе фольклоризации проходит ряд этапов трансформации, утрачивая при этом важные признаки книжного языка. Обычно паремии сокращаются, заметно упрощаются в структуре и синтаксисе, старославянизмы часто замещаются более современной и стилистически нейтральной лексикой. Также паремии в ходе трансформации приобретают рифму и ритм, характерные для пословиц. О. Фролова указывает, что

в классе фольклорных паремий происходит диалог книжной и устной традиций, с одной стороны, цитаты из Св. Писания переосмысливаются как пословицы, а с другой стороны, пословица и загадка выступают в качестве своеобразного комментария к книгам Ветхого и Нового завета [12, с. 39].

По мнению указанного автора, пословица «разбивает» большой библейский сюжет на фрагменты» [12, с. 40].

Основу паремий составляют пословицы, которые зачастую отражают специфику менталитета народа. Пословицы свойственны предельная краткость и простота. От обычных высказываний пословицы отличает их семантический аспект. Пословицы выполняют важные функции: культурную, моральную, образовательную, воспитательную, эстетическую, регулятивную и другие. К пословицам тесно примыкают поговорки, которые определяют как «иносказания, служащие иллюстрацией тех или иных сторон явления, ситуации, события» [6, с. 147]. Как и пословицы, поговорки относят к малым нелирическим жанрам фольклора. В большинстве случаев они бывают более краткими, чем пословицы. Поговорки по своей структуре проще пословиц. Они имеют конкретное содержание, в связи с чем А. А. Потенбя определяет их как «иносказательный образ отдельно взятого лица, качества, действия» [9, с. 108].

Философские основания паремий особенно ярко проявляются в пословицах народов мира. Паремии представляют собой хранилище мысли, знаний и мудрости народа. В этом свете тщательное изучение паремий любого общества позволяет получить важные сведения об основных областях традиционной философии, таких как метафизика, этика, логика и эпистемология. Паремии лежат в основе традиционной философии (этнофилософии) любого народа, поэтому исследование традиционных паремий позволяет прояснить характер традиционной философии. Африканский философ Мбих Джером Тосама считает, что паремии, в особенности пословицы, являются одним

из основных источников философии во всех культурах [17, р. 2]; он подчеркивает, что «ни одна культура не является философски непродуктивной» [17, р. 2]. По мнению Гекье, «философия является частью культурного опыта и традиций народа» [14, р. 43]. Брюс Янц также считает, что «пословицы вполне могут быть частью философского образа мыслей, как и любое лингвистическое событие» [23, р. 180].

Паремии являются особыми, философскими образцами традиционного мышления. Их рассматривают как народную философию, как традиционную мудрость, выраженную в словесной форме. Мудрость является неизбежным атрибутом традиционного общества, который надежно обеспечивает социальную и технологическую преемственность поколений. Как замечают Н. И. Басина и Е. А. Ковалева,

в последние годы мы становимся свидетелями очередного философского возрождения термина «мудрость», некогда оставленного в истории философии. ... «Изгнав» понятие мудрости из философии, не подорвали ли мы генетические основания самого философствования, возникшего «из любви к ней»? [4, с. 104].

Люди во всех обществах используют паремии, причем первоначально они появляются в устной форме и уже позднее — в письменной. Что касается распространения паремий в современном мире, то отмечается резкое сокращение их применения в западном мире, тогда как в культурах регионов с преобладающей неграмотностью, таких как Африка, Азия и Тихоокеанский регион, они все еще актуальны, но с усилением вестернизации таких обществ существует тенденция снижения практики их употребления. Основной причиной актуальности паремий в традиционных обществах, как отмечает Мохира Акмаль кызы Хикматова, является то, что в таких обществах «полагаются исключительно на устную речь для общения... изложенная в безличной форме, поговорка позволяет избежать впечатления субъективного суждения со стороны ее пользователя» [19]. Актуальность использования паремий в традиционных обществах велика в силу важности в таких обществах авторитета старейшин, которым приписывают авторство паремий.

Паремии в целом обеспечивают в традиционных обществах общую основу и обоснование систем верований, обычаев, мудрости, морали и культурных практик сообщества. С паремиями люди в традиционных обществах сверяют свое поведение и образ мышления. Являясь средоточием нравственных норм и верований народа, во всех традиционных обществах от поколения к поколению паремии были одним из самых мощных и эффективных инструментов передачи философской мысли и культуры.

Философская основа паремий очевидна именно в их способности дать рациональные ответы на жизненно важные вопросы, направлять людей в этически приемлемое для общества русло, давать ответы на некоторые загадки окружающего их мира. Тематика паремий обширна и содержит философские основы: цель и смысл человеческой жизни, человеческая природа, природа Вселенной и общества, Бог, мораль, знание, красота, справедливость и т. д. Диалектический процесс в философии не начинается с нуля — он всегда начинается с существующей идеи, независимо от того, является ли эта идея (или

понятие) письменной или устной. Паремии, являясь источником философии, могут и должны быть открытыми для критики и анализа.

Янц Брюс считает, что пословицы «предусматривают сдержки и противовесы, чтобы обеспечить ответственное поведение, большую солидарность, мораль, единство, трудолюбие» и «необходимость препятствовать излишества в человеческом характере» [23, р. 29]. Как подчеркивает Мбих Джером Тосам, «нет никаких сомнений в том, что пословицы любого общества отражают философию этого общества» [17, р. 5–6]. Указанный автор считает, что пословицы не только являются «воротами» или «точкой привязки» к традиционной философии — они показывают, что «в прошлом существовала философия, которая все еще может быть актуальна сегодня, если ее задокументировать и переоценить» [17, р. 6.]. По мнению указанного автора, чтобы заслужить свое название, философия должна быть не только написана, «она также является устной, включая те неписанные ценности, принципы, обычаи и практики, институты, которыми живут люди» [17, р. 6.]. Низкий статус, приписываемый в интеллектуальной истории устной традиции, объясняется не ее слабостью как средства передачи знаний и вклада в универсальное знание, а тем, что западноевропейские систематики отводят ей более низкое положение.

Не только африканские философы указывают на принижение устной философской традиции, но также отдельные западные мыслители. В частности, Жак Деррида в работе «О грамматологии» критикует этот этноцентризм в западной антропологической классификации социального превосходства письменного над устным. Причина этого этноцентризма, по мнению мыслителя, кроется в западном империализме и эксплуатации. Жак Деррида справедливо считает, что сила и особое место, отведенные Западом письменным философским источникам, были чрезмерно преувеличены. Он утверждает, что

происхождение письменности отвечало скорее «социологической», чем «интеллектуальной» необходимости... эта социальная необходимость — необходимость «господства», «эксплуатации», «порабощения» и «вероломства» [15, р. 131].

Основной аргумент западных авторов в признании философской принадлежности мысли — наличие анализа и критики, которые, по их мнению, являются важными условиями для развития философии. На этот счет отдельные философы приводят свои аргументы: в частности, африканские исследователи утверждают, что «анализ и критика не являются ни необходимыми, ни достаточными условиями для существования философии» [17, р. 6.]. Анализ — это всегда анализ чего-то, что уже есть, письменного или устного. Документированная критика свидетельствует лишь о яркой и динамичной философской традиции, а ее отсутствие не подразумевает отсутствия философии. Философским его делает не письменное слово, оно философское, потому что уже было таковым в своей устной форме. Назначение письменного слова в помощи памяти, а не в том, чтобы доказать, что оно существенно превосходит устное. Камерунский философ Пий Ондуа отмечает, что упор на письменные произведения как на единственную подлинную основу философии является «документальным иллюзионизмом» [17, р. 133].

По мнению М. Д. Тосама, «философия основана на индивидуальной интуиции и воображении, будь то написанная или ненаписанная» [17, р. 8]. Также Орука отмечает, что

задача философа состоит не только в том, чтобы «анализировать/критиковать» (поскольку анализировать или критиковать может быть нечего). И эта последняя роль — та, в которой мудрец обычно получает высокие оценки. Это также то, что отличает великих философов, даже на Западе, от обычных заурядных философов, которые начинают и заканчивают свою карьеру в области анализа [21, р. 99].

Без аргументированной, тщательно продуманной идеи или размышлений не может быть письменной мысли. Мысль всегда предшествует письму. Следует согласиться с мнением Тосама, что «в каждой культуре народная мысль лежала в основе философии» [17, р. 8].

Архимандрит Сергей (Акимов) также отмечает, что

имея вид царского поучения, библейская Книга Екклесиаста содержит в себе ряд наставлений и высказываний, которые являются поговорками, пословицами, притчами. Некоторые из высказываний Екклесиаста напоминают слова, которые мы встречаем в клинописных текстах Древней Месопотамии, относящихся к самому началу письменности, к эпохе древних шумеров [2, с. 13].

Он указывает, что «в связи с Книгой Екклесиаста нас может интересовать тот пласт шумерской литературы, который обычно называют литературой мудрости» [2, с. 14]. Э. Гордон также отмечал, что к литературе мудрости следует относить те «литературные тексты, содержание которых, так или иначе, связано с жизнью и природой и оценкой их человеком, основанной на непосредственном наблюдении или понимании» [13, р. 122]. Автор приводит классификацию древней месопотамской литературы мудрости, куда включает в том числе притчи, пословицы и поговорки (Proverbs) [13, р. 124].

Древнегреческая философия демонстрирует обильное использование паремий. Так, Д. О. Торшилов напоминает, что «паремиями мы называем выражения, собранные в словарях греческих паремиографов II–XV вв.» [11, с. 151]. Древнегреческие философы достаточно активно использовали паремии, в частности пословицы и сентенции: например, Гераклит («нельзя дважды войти в одну и ту же реку», «все течет, все изменяется»), Парменид («бытие есть, а небытия нет»), Протагор («человек — мера всех вещей»), Сократ («неисследованная жизнь не стоит того, чтобы жить») и другие мыслители. Заключение в этих пословицах мудрость показывает, что они вышли из размышления и творческой интуиции отдельных интеллектуально одаренных людей.

Не вызывает сомнения то, что незаписанная мудрость остается мудростью. Орука также отмечает: «...философии Сократа, например, не существовало просто потому, что Платон и другие породили его своими ручками. Платон и другие записали его... потому что он существовал изначально» [21, р. xxiii]. Сократическая философия существовала как деятельность, а не как мировоззрение, но эта философская деятельность никогда не была бы известна миру, если бы Платон и другие мыслители не задокументировали ее. Мбих Джером Тосам отмечает, что

во всех обществах пословицы используют те, кто хорошо разбирается в их языке и культуре — философы. Труды Платона, Аристотеля и их последователей глубоко уходят корнями в древнюю греческую культуру. Это соответствует философии как критике человеческого опыта [17, р. 9].

Также Годфри Б. Тангва считает, что в «каждом обществе существует два вида философии, а именно: скрытая и судебная» [22], если скрытая философия присутствует, однако не представлена как таковая, потому что она недокументирована и неразвита, но нуждается в определенных условиях, чтобы стать значимой, то судебная философия общества задокументирована, открыто признана, распространена и более значима. При этом скрытая философия является неотъемлемой частью образа жизни людей, она принимается инстинктивно и формирует мышление и поведение людей. Паремии (пословицы и поговорки) составляют важную часть скрытой философии, которая обеспечивает основу для мировоззрения общества, системы верований, обычаев и других социальных практик. Судебная философия, которую мы бы назвали научной или критической, является продуктом нескольких столетий критики и систематического изучения, а потому ее не следует ставить на один уровень со скрытой философией, которую мы бы назвали традиционной или народной. Можно утверждать, что оба вида философии являются равнозначными. Скрытая (традиционная, народная, устная, частная) философия — иначе ее можно назвать этнофилософия — является базисом судебной (научной, письменной, критической) философии.

Таким образом, паремии рассмотрены в рамках традиционного фольклора, понимаемого как аутентичное ядро традиционной фольклорности, его фундаментальное основание. В паремиях, обладающих высокой степенью выразительности и широким диапазоном экспрессивных оттенков, отражена наивная этика народа, его морально-нравственные принципы и идейно-эстетические воззрения на мир. Выявлены философские и библейские основания паремий. Паремии являются неотъемлемой частью национального философского наследия. Убедительность, ясность и мудрость, заложенные в отдельных паремиях, подтверждают их библейскую и философскую основу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова О. А. Нравственно-эстетические и ментальные ценности фольклора: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 17.00.09 / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2006. — 26 с.
2. Акимов В. В. Книга Екклезиаста и древние шумерские пословицы и поговорки // Труды Минской духовной академии. — 2015. — С. 13–38.
3. Аристотель. Никомахова этика // Электронная библиотека «Гражданское общество России». — URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf> (дата обращения: 03.05.2022).
4. Басина Н. И., Ковалева Е. А. Мудрость как социально-философская проблема // *Advanced Engineering Research*. 2012. С. 104–109.
5. Бралина С. Ж. Коммуникативные функции фольклорного текста. — URL: http://www.rusnauka.com/NIO_2007/Philologia/18019.doc.htm (дата обращения: 01.05.2022).

6. Ковшова М. Л.: Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. — М.: ЛЕНАНД, 2019. — 400 с.
7. Левада Ю. А. Традиция // *Философская энциклопедия*. — Т. 5. — М., 1970.
8. Орлова Н. М. Библия и малые литературные жанры: русские паремии и цитаты // *Жанры речи*. — 2020. — № 1 (25). — С. 29–35.
9. Потетькина А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица, Поговорка. — Харьков, 1914. — 162 с.
10. Пропп В. Я. Фольклор и действительность // *Русская литература*. — 1963. — № 3. — С. 62–84.
11. Торшилов Д. О. Мифологические имена в древнегреческих паремиях // *Шаги/Steps*. — 2016. — Т. 2, № 2–3. — С. 151–164.
12. Фролова О. Паремия как комментарий к Священному Писанию // *Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции* / отв. ред. О. В. Белова. — М., 2013. — С. 38–47.
13. Gordon E. I. A New Look at the Wisdom of Sumer and Akkad // *Bibliotheca Orientalis*. — 1960. — № 17. — Pp. 122–152.
14. Gyekye K. An Essay on African Philosophical Thought: The Akan Conceptual Scheme. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995. — 98 p.
15. Derrida J. Of Grammatology / translated by Gayatri Chakravorty Spivak. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. — 238 p.
16. Mbih J. T. The relevance of Kom ethics to African development // *International Journal of Philosophy*. — 2014. — Vol. 2, Iss. 3. — Pp. 36–47.
17. Mbih J. T. The Philosophical Foundation of Kom Proverbs // *Journal on African Philosophy*. — 2014. — Iss. 9. — Pp. 1–27.
18. Mbih J. T. *Philosophy in Culture: A Cross Cultural Perspective*. — African Book Collective, 2016.
19. Mohira A. qizi H. The most characteristic features of proverbs and sayings // *Science and Education*. — 2021. — June. — Pp. 504–513. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-most-characteristic-features-of-proverbs-and-sayings/viewer> (дата обращения: 21.05.2022).
20. Ondoua P. «Critique de l'absolu» ou vie du sens La philosophie chez Marcien Towa et Meinrad Hebga // *Annales De la Faculté des Arts, Lettres et Sciences Humaines: Hommage au Professeur Jean Marc Ela*. — 2009. — Т. 1, 10. — Pp.133–160.
21. Oruka Odera H. «Sage Philosophy». In *Philosophy from Africa: A Text with Readings*. Eds. P. H. Coetzee and A. P. J. Roux. — Johannesburg: International Thomson Publishing, 1998. — Pp. 99–107.
22. Tangwa Godfrey B. «Some African Reflections on Biomedical and Environmental Ethics» in *Companion to African Philosophy* / ed. Kwasi Wiredu. — Oxford: Blackwell Publishers, 2004. — Pp. 387–395.
23. Janz B. *Philosophy in an African Place*. — Lanham, MD: Lexington Books, 2009. — 234 p.